

Валдайские
записки

#06 | Декабрь 2014

Стратегическое
прогнозирование:
объективное измерение
разведывательной деятельности

Джордж Фридман

Стратегическое прогнозирование относится к той части разведывательной деятельности, в фокусе которой находятся события, оказывающие глубокое, фундаментальное воздействие на международную систему. Среди таких, стратегических, событий можно назвать коллапс европейского империализма, попытку Советского Союза повлиять на баланс сил путем размещения ракет на Кубе, союз США с Китаем, финансовый кризис 2008 г. и современный конфликт на Украине. Очень часто одно из таких событий становится силой, вызывающей цепную реакцию других значимых событий. Такие стратегические события имеют долгосрочные последствия и оказывают влияние на действие основополагающих механизмов мировой системы, в результате чего целые нации оказываются в выигрыше или же серьезно проигрывают.

Выявление подобных событий могут дать потребителям разведывательной информации огромные преимущества. Но при этом сами разведывательные организации не любят иметь дело с такими событиями. Разведывательные организации действуют по принципу, ориентированному на источники, т.е. под этим понимается проникновение в сам процесс планирования. Стратегическое же прогнозирование сосредотачивается на событиях, которые не являются прямым следствием чьего-то решения, либо же при своей реализации приводят к неожиданным и незапланированным последствиям. Так, например, обычный сбор разведывательных данных в Политбюро ЦК КПСС в конце 1980-х не выявил бы ничего, что могло бы помочь предугадать возможное развитие событий, просто потому, что ни у кого, в том числе и у самого Политбюро, не было никакого ясного представления о будущем, не говоря уже о каком-либо контроле над ним. Разведывательные службы, возможно, могли бы раскрыть планы «Черной руки» по убийству эрцгерцога Франца Фердинанда, но, основываясь лишь на этой информации, они не смогли бы предсказать начало Первой мировой войны.

Общий обзор методов стратегического прогнозирования

Стратегическое прогнозирование относится к наиболее чуждому разведывательным службам классу разведывательной деятельности. Оно имеет дело с событиями, которые нельзя проанализировать при простом обращении к источникам и чьи результаты не были ожидаемыми и запланированными ни одной из вовлеченных сторон. Кроме того от политиков, вовлеченных в процесс принятия решений, не зависит, произойдет ли это событие. Их действия могут сводиться лишь к подготовке к серьезным изменениям. Наиболее привлекательными для политических лидеров являются те проблемы, которые находятся под их строгим контролем, в то время как стратегические вопросы, в ходе решения которых к тому же так просто допустить ошибку, требуют огромных усилий и связаны с серьезными политическими издержками. В разведывательных службах карьеры делаются не за счет предсказания долгосрочных трендов, даже в том случае если эти предсказания были абсолютно верны. Учитывая постоянные радикальные сдвиги в истории, которые бросают вызов традиционному мышлению, большинство стратегических прогнозов кажутся потребителям продуктов разведывательной деятельности просто нелепыми. С этой точки зрения, стратегическое прогнозирование – форма разведывательной деятельности, которая

практикуется за пределами правительственных кабинетов и государственных разведывательных служб.

Стратегическая разведка производится не за счет работы с источниками, а за счет моделирования. Это отнюдь не значит, что она не нуждается в дополнительной информации, однако это не та информация, которую тяжело или даже опасно заполучить (хотя бывают и такие случаи). Также подобный тип разведки не нуждается и в больших массивах собранной информации. Основной принцип стратегической разведки заключается в отсечении всего ненужного «мусора», с тем, чтобы выявить основную движущую силу событий. Крошечный намек может иногда привлечь внимание к основополагающему процессу, и это особенно заметно в военной сфере. Обнаружение этого крошечного намека требует, однако, большого количества времени и усилий, что оставляет мало времени на его расшифровку. Более того, очень часто этот крайне значимый процесс находится у всех на виду, необходимо лишь его заметить и, что еще труднее, в него поверить.

В Stratfor 'е мы говорим: «будь глупым». Под этим мы подразумеваем, что не нужно вдаваться в слишком изощренный анализ, чтобы не пропустить то, что находится прямо на виду, и не нужно ценить секретную информацию, добытую с величайшим трудом, больше, чем всем известные факты, которые, однако, никто не может понять. Чрезмерное усложнение и чрезмерная любовь к тайнам скрывают от глаз основополагающие процессы. Так, например, фрагментация Европейского союза – один из важнейших процессов сегодня, – базируется на том факте, что Германия экспортирует 50% от своего ВВП. Об этом знают все, но мало кто может оценить последствия этого явления, которые в реальности огромны. Можно углубиться в изощренный анализ абстракций, лежащих глубоко за пределами этого факта. Но правда находится на поверхности.

Моделирование базируется на понимании двух основных фактов. Во-первых, нет никакого различия между экономической, политической, военной и технологической сферой. Такое деление позволяет эффективно организовывать работу департаментов, но при этом все эти области просто являются различными и тесно переплетенными измерениями национального государства и связанной с ним политической и социальной деятельности. Относительная значимость каждой из этих сфер иногда меняется в зависимости от времени и места, но они всегда присутствуют и всегда взаимодействуют. Стратегическая разведка должна формировать свой взгляд на процессы именно с такой – интегрированной - точки зрения.

Во-вторых, политические лидеры находятся в постоянной зависимости от внешних сил, которые они должны принимать как данность, иначе их карьере придет конец. Наиболее успешными политиками становятся те, кто могут понять обстоятельства, в которых они находятся. Они вершат историю в соответствии со своими желаниями, впрочем, не так, как это понимал Карл Маркс. С первого взгляда, это вполне соотносится с учением Маркса. На самом деле, Маркс не был первым, кто об этом заговорил. Раньше Маркса был Адам Смит и его концепция невидимой руки рынка, в соответствии с которой индивиды преследуют свои частные интересы и в ходе своей деятельности вносят вклад в повышение благосостояния нации. Сам же Смит заимствовал эту мысль у Макиавелли, который утверждал, что Государь, не имея возможности отвлечься от войны, должен при этом сосредотачиваться на поступках,

которые ему продиктованы обстоятельствами. Добродетель Государя заключается в исполнении своего долга, а не в мечтах о власти, которой он не имеет. Стратегическое прогнозирование и марксизм схожи лишь в том, что они базируются на постулате о том, что основой политической жизни является необходимость.

Необходимость предсказуема, особенно, если вы имеете дело с рациональными игроками, а успешные политики всегда предельно рациональны в рамках того поля, на котором они играют. Действия, которые необходимо предпринять для того, чтобы повести за собой миллион человек, не говоря уже о сотнях миллионов, требуют чрезвычайной дисциплины и развитых инстинктов. Немногие могут даже начать подъем и лишь самые дисциплинированные могут достигнуть высот. Сегодня среди журналистов и аналитиков модно относиться к политикам с презрением, как к людям необучаемым или не обладающим большим умом. Но такие журналисты и аналитики путают неполноценность с принципиально иным типом мышления. Это позволяет им самим поверить в свою «полноценность», но при этом они не делают ничего для того, чтобы указать нам, в каком направлении двигаться. У Барака Обамы и Владимира Путина гораздо больше общего друг с другом, чем со своим населением. Каждый из них смог прийти к власти в своей общественной среде, чего почти никто кроме них добиться не смог.

Если вы последите за игрой двух шахматных гроссмейстеров, вы заметите, что эта игра достаточно предсказуема. Каждый в полной мере оценивает обстановку и понимает, что наличие выбора ходов – не более, чем иллюзия. Вслед за каждым ходом следует ожидаемый ответный ход. Только в очень редких случаях блестящий игрок может найти нестандартное решение. Большинство игр заканчиваются предсказуемыми ничьими. Однако когда играют более слабые игроки, может произойти все, что угодно. Гроссмейстер предсказуем в своей игре именно потому, что его действия четко выверены. От любителя же можно ожидать всего. Но, конечно, у любителя никогда не будет возможности сыграть на одной доске с гроссмейстером. То же относится и к миру политики. Небрежные и случайные действия непредсказуемы, но политикам, их совершающим, долго не выжить. Выживают только одаренные и дисциплинированные, чьи действия, соответственно, легко предугадать.

Задачей стратегической разведки является построение модели, которая учитывала бы широкий спектр факторов, ограничивающих выбор лидера, и выявляла бы императивы, позволяющие ему сохранить роль лидера, а свою страну в сохранности. Наиболее очевидный ограничивающий фактор и он же императив – географическое положение. Германия находится на Северо-Европейской равнине и способна организовывать эффективное производство и доминировать на рынках к югу и юго-востоку от себя, что создает императив активного экспорта и поддержания политического господства на этих рынках. Этот фактор действует с момента объединения Германии в 1871 году. В то же время, учитывая ее географическое расположение и отсутствие природных барьеров, Германия уязвима для внешних угроз. Ей необходимо постоянно укреплять свои экспортные рынки, одновременно обеспечивая физическую безопасность политическими и военными средствами. Такая упрощенная модель позволяет нам сделать ряд утверждений, которые будут оставаться верными вне зависимости от того, кто на данный момент находится во власти. Во-первых, для того, чтобы избежать внутреннего социального напряжения, Германия будет вынуждена

поддерживать определенный уровень экспорта при любых обстоятельствах. Во-вторых, политическая среда будет формироваться именно с учетом необходимости экспортировать. В-третьих, Берлин будет пытаться избежать военной конфронтации. В-четвертых, в крайнем случае, Германия должна будет сама инициировать конфликт, а не дожидаться, пока это сделают оппоненты.

Построение этой модели, которая представлена лишь для того, чтобы проиллюстрировать концепции, изложенные ранее, начинается с внутренних политических ограничителей для немецкого лидера. Они приводят к единственному эффективному решению – экспорту. Затем модель переходит к другим проблемам, периодически порождаемым успехами Германии. Канцлер Меркель должна поддерживать экспорт для того, чтобы справляться с безработицей и противостоять политической оппозиции. Часть немецкого экспорта направлена в Европейский Союз, и, следовательно, Германия сформировала Европейский Союз в соответствии со своими интересами. В то же время она не должна создавать ни для кого стратегической угрозы, что позволит ей обеспечить собственную национальную безопасность. Канцлер не может сократить экспорт, позволить ЕС действовать по другим правилам или перенести Германию с Северо-Европейской равнины в другое место. Поэтому она должна действовать в заранее определенных рамках.

Модель включает в себя императивы, требующие обязательного исполнения, ограничители, формирующие решения, политических лидеров, чье поведение сформировано этими факторами, а также переменные, описывающие большое количество областей и взаимодействующие с подобными моделями для других стран. Учитывая большой объем вводных, возможные линии поведения могут быть смоделированы лишь в общих чертах, а используемые данные не должны включать в себя мелкие детали, т.к. это только перегрузит аналитика и затруднит понимание основополагающих процессов. Без построения модели, фильтрующей поступающие данные, система рухнет под весом случайной информации. Важно иметь в виду, что стратегическое прогнозирование не подразумевает анализ психологического портрета конкретного политика. Это объясняется не только тем, что такую модель невозможно построить, но и тем, что психология силы и сильных лидеров скорее объединяет их, чем подчеркивает различия. Психология власти в целом более полезна, чем индивидуальная психология.

Есть два ключа к пониманию стратегического прогнозирования. Во-первых, необходимо сосредоточиться на обществе, нации и государстве, а не на отдельных индивидах. Во-вторых, надо четко отделять субъективное намерение того или иного лидера от полученного результата. И Барак Обама и Джордж Буш-младший представляли себе свое правление совершенно не таким, каким оно получилось на практике. В частности, Обама не хотел повторять шаги, предпринятые Бушем. В реальности же, удивительно, насколько действия Обамы похожи на действия Буша. Обама представляет собой классический пример лидера, оказавшегося запертым в ловушке обстоятельств. Поведение президента США ограничено определенными рамками, точно так же, как и поведение президента Российской Федерации. Будь они заменены другими личностями с другими намерениями, отличия можно было бы заметить лишь в деталях. При этом стратегическая реальность и процессы не претерпели бы, и не могли бы претерпеть, никаких изменений.

Современная стратегическая реальность

Стратегическое прогнозирование требует построения динамической модели международной системы, описывающей несколько уровней. Первый уровень – 1992 год и распад Советского Союза, положивший конец пятисотлетнему периоду истории, в течение которого хотя бы одна из мировых держав представляла Европу. Таким образом, распад Советского Союза выходит за рамки узкорегionalной проблемы, касающейся лишь России и бывших советских республик. Это стало событием европейского масштаба, завершившим эру европейского могущества на международной арене и переместившим центр тяжести в Северную Америку, а точнее в государство, доминирующее на этом континенте – США.

Следующий период – временной отрезок после окончания холодной войны, когда основные исторические события развивались вокруг трех основных столпов международной системы. Первый столп – США. Второй – Европейский Союз, появившийся в процессе перехода к полному объединению в противовес США. Третий – Китай – преемник Японии в качестве быстрорастущей экономики, обеспеченной низкой стоимостью труда. Этот период завершился в 2008 г.

Для того, чтобы понять процессы, происходящие в современном мире, сначала надо понять каждого из этих игроков и его судьбу, уделив особое внимание США. Во-первых, США производят около 25% мирового ВВП. Во-вторых, это страна с низким уровнем экспорта – немногим более 10% от ВВП. Это означает, что ее экономика не только очень велика, но и самодостаточна. Она не зависит от экономического благополучия других государств. Кроме того, энергетическая революция в США привела к тому, что эта страна стала практически независимой от импорта энергоносителей из-за пределов западного полушария. США являются и первой по величине экономикой мира и наиболее самодостаточной глобальной державой. Таким образом, их деятельность на международной арене не определяется экономической необходимостью, что дает им определенную свободу для маневра.

Во-вторых, США контролируют все океаны мира. Это не значит, что каждый квадратный метр океана находится под контролем. Но это значит, что у США есть возможность в любой момент по своему усмотрению взять под контроль международные морские пути. Таким образом, США могут скрыто управлять всей мировой торговлей. Вашингтон не часто использует эту возможность, за исключением случаев, когда необходимо наложить на какую-либо страну санкции. Несмотря на отсутствие у США постоянной мотивации к таким действиям, это факт не может игнорироваться всеми остальными государствами мира. Кроме того, Соединенные Штаты могут осуществлять военные операции на всей территории Евразии (данный термин используется для того, чтобы рассмотреть европейскую и азиатскую части как единый массив суши). Таким образом, они могут завоевать Евразию. Евразия же завоевать США не может, т.к. не имеет достаточных сил для ведения боевых действий на море.

Таким образом, единственная угроза, преследовавшая США на протяжении века – объединение Евразии или же объединение европейской части со значительной частью Евразийского континента (в особенности Россией), что могло бы создать противника,

сопоставимого по мощи с Соединенными Штатами. Сочетание технологий, капитала, природных ресурсов и рабочей силы могли бы привести к созданию военных сил, способных бросить вызов США или даже сокрушить их. Таким образом, основная стратегия Вашингтона – предотвращение возникновения гегемоний на территории Европы.

Данная стратегия представляет собой несколько последовательных шагов. Вначале США наблюдают за саморегулированием баланса сил в Евразии. Если подобное поведение себя не оправдывает, США начинают оказывать финансовую и политическую поддержку наиболее слабой державе. На следующем этапе они оказывают ей военную помощь, а затем и вступают в боевые действия ограниченными силами. На финальном этапе США применяют подавляющую военную силу.

Во время Первой мировой войны США были готовы допускать саморегулирование баланса сил в Европе ровно до того момента, когда российский император был свергнут и возник риск успешного продвижения немецких войск на западе. Император отрекся от престола 15 марта 1917 года. США вступили в войну 6 апреля 1917 г. Они наращивали свое военное присутствие, пока количество военных, переправленных через Атлантику, не достигло миллиона.

Во время Второй мировой войны США воздерживались от участия в перераспределении баланса сил в Европе даже после Перл-Харбора. В начале войны они оказывали определенную помощь Великобритании и Советскому Союзу и были вовлечены лишь в незначительные операции вплоть до июня 1944 г. Лишь после того, как Советский Союз переломил хребет Вермахта, изменив ход войны в свою пользу, США включились в боевые действия значительными силами. Война подорвала мощь Великобритании, которая в результате уступила господство на море Соединенным Штатам.

Во время холодной войны вызов гегемонии США исходил уже от Советского Союза. В этом случае баланс сил сохранялся путем создания альянса, окружившего европейскую часть СССР. Оказалось, что эта модель смогла поддерживать сама себя. Первая линия стран находилась в зоне риска, и США предоставляли им финансовую и военную помощь, а также обеспечивали там ограниченное военное присутствие. Было дано обещание полномасштабного военного вмешательства, включая использование ядерного оружия, но, как отмечал Шарль де Голль, никаких гарантий предоставлено не было. США сохраняли для себя открытыми различные варианты действий.

С падением Советского Союза претендентов на евразийское господство не осталось, и США отказались от строительства альянсов в пользу устранения единичных вызовов в лице поднимающихся региональных держав. Войны против Сербии, Ирака, Афганистана, Сомали и других стран были направлены на нейтрализацию угроз еще до их возникновения. Такая политика включала нарушение порядка внутри развивающихся стран, подрыв деятельности над-национальных групп типа Аль-Каиды, стремящихся к доминированию над значимыми национальными государствами.

Здесь важно отметить, что, на первый взгляд, США проиграли эти войны. Но такое суждение демонстрирует непонимание основополагающих намерений. С военной точки зрения, целью

было не установление контроля над этими странами, но нарушение их внутреннего порядка, создание хаоса и разрушений с тем, чтобы предотвратить малейшую возможность превращения этих государств в региональных гегемонов. Это были не атаки в прямом смысле этого слова, это были атаки, направленные на ухудшение условий в этих государствах. Их целью было не поражение врага, а нарушение порядка в странах до такой степени, чтобы они более не были способны произвести потенциальное наступление. В этом смысле они полностью себя оправдали. Сербия перестала быть региональной угрозой, точно так же, как и Ирак. США использовали свою морскую мощь, для того чтобы беспрепятственно применить силу на расстоянии, а затем удалиться.

Если поверить заявленным намерениям президентов, пытающихся оправдать подобные операции, они, разумеется, оказались провальными. Однако объективно за ними прослеживается последовательная модель поведения, не менявшаяся с 1917 г.: переложить бремя на союзников, где это возможно, достичь необходимой разрушительной цели, снова переложить бремя на союзников, удалиться. Необходимо замечать очевидное и отказываться от слишком изощренного анализа для того, чтобы понять стратегию Соединенных Штатов, а также других государств.

Распад Советского Союза не просто позволил США занять господствующую позицию в мире. Он также способствовал созданию двух других столпов международной системы после холодной войны: Европейского Союза и Китая, - каждый из которых мог не только бросить вызов американской мощи, но и превзойти ее. Я уже описал главную слабость Европейского Союза. Он сформирован вокруг страны, крайне зависимой от экспорта, что способствовало созданию монетарной и регуляторной систем, делающих невозможным для всех остальных членов отказ от наплыва немецких товаров. Предпринимательская деятельность, подразумевающая конкуренцию с крупными немецкими компаниями, такими, как Siemens, также недоступна для стран-членов ЕС. События 2008 г. привели к кризису, подорвавшему основы Европейского Союза. Германия настояла на жесткой экономии, что привело к социальной катастрофе в Южной Европе, где показатели безработицы достигли 25%. Все это вызвало расхождение во взглядах между лидерами Европы, в результате чего Европейский Союз перестал выступать, как единое целое, и начал действовать как организация беспокойных и разрозненных стран, основанная на договоре. В результате этого процесса также был подорван и авторитет НАТО и альянс, уходящий корнями в 1917, был расстроен.

В то же время Китай сейчас переживает циклический спад, наблюдаемый в Японии в 1991-м и в Восточной Азии в 1997-м. Рост китайской экономики был обусловлен привлечением заемных средств, а не собственным капиталом. Государство расширяло денежные потоки для выплаты банковских долгов, не стремясь увеличить рентабельность собственного капитала. Вместе с ростом экономики увеличивался и долговой пузырь. В настоящий момент темпы роста (фактические, а не заявленные) не способны поддержать экономику, и займы, произведенные для поддержания полной занятости, вызвали инфляцию. Сегодня стоимость труда в наиболее важных регионах Китая выше, чем, например, в Мексике, что приводит к оттоку капитала из Китая.

Но есть и более глубинная проблема. Более миллиарда китайцев живут в такой же бедности, как и боливийские крестьяне. В прибрежной части Китая – в наибольшей степени привлекающей внимание иностранцев – живут около 300 миллионов человек, среди которых примерно 60 миллионов являются средним классом, соответствующим мировым стандартам. Эти люди имеют значительно более тесные связи с Европой и США, чем остальная часть Китая. Это является крайне острой политической проблемой Пекина. Объединение конкурирующих интересов прибрежных и внутренних районов невозможно. Председатель Мао решил эту проблему, уничтожив национальную буржуазию в прибрежных районах. Си Цзиньпин пытается ее решить диктаторскими методами.

Сегодня Китай не является ни глобальной, ни региональной угрозой. Географическое положение не позволяет Пекину перемещать наземные силы вглубь континента. Гималаи, холмистые джунгли юга, центральноазиатские степи и Сибирь превращают НОАК в силы внутренней безопасности. Китайский флот ограничен географией Южно- и Восточно-Китайского морей. Кроме того, ни разу за свою историю он не принимал участие в морских сражениях. Противостоять США лишь одним едва функционирующим авианосцем будет непростой задачей. Его ракеты могут не позволить кораблям США выйти из своей бухты, но этого не скажешь об американских противоракетных силах. Но это лишь пустые рассуждения, т.к. Китай никогда не станет проявлять агрессию на море, а у США нет ни малейшего намерения бросать Китаю вызов на суше.

В этом контексте необходимо рассмотреть возрождение России. Появление Владимира Путина или равной ему личности было неизбежным событием. Режим Бориса Ельцина привел к национальной катастрофе. Единственным институтом, исторически эффективно функционирующим еще в Российской Империи, была тайная полиция. Учитывая географию России, сохранение империи было непростой задачей, которая решалась отчасти силами тайной полиции. Эта система поддерживала и Российскую Империю, и Советский Союз, и сохранила свою значимость и после распада СССР. Она же стала единственной силой, способной вновь объединить Российскую Федерацию.

В 1992-м все мечтали о том, что Россия войдет в европейскую экономическую и социальную систему, но это было невозможно, учитывая хаос, царивший в стране. Она была бедной, но мощной. Под управлением Ельцина, она стала еще беднее и слабей, ее презирали на Западе. События в Косово показали, с каким равнодушием страны Запада, особенно США, относились к России. США не только вступили в войну, противоречащую интересам России, но и отказались соблюдать мирные соглашения, достигнутые при посредничестве Москвы, в соответствии с которыми Россия должна была принять участие в управлении территорией Косова. События в аэропорту Приштины под конец войны продемонстрировали глубину падения России и сделали неизбежным подъем аппарата государственной безопасности.

Стратегия Путина была обусловлена обстоятельствами. Россия не могла конкурировать с другими игроками в качестве индустриальной державы, а потому сконцентрировалась на экспорте сырья, в частности, энергоресурсов, для того чтобы создать свой капитал и произвести промышленную модернизацию. Путин также хотел избежать ошибок царей и комиссаров, заключавшихся в их имперских амбициях. Империя и Советский Союз никогда не

были выгодными для самих россиян. Россия потратила больше денег для умирения и субсидирования территорий, входящих в состав империи или СССР, нежели получила от них прибыли. В конце концов, входящие в СССР страны стали одной из причин его краха. Стратегия Путина была другой. Он не хотел быть ответственным ни за внутреннюю стабильность этих государств, ни за их экономическое благополучие. Единственное, чего он добивался – «негативный контроль» над их внешней политикой, с тем, чтобы гарантировать отсутствие угроз для России, исходящих от них или других стран, использующих соседние с Россией государства в качестве площадки для развертывания враждебной деятельности.

Возрождение аппарата безопасности ознаменовало конец ельцинской эпохи и завершение неустойчивого переходного периода. Этот подъем также означал возможное возникновение угрозы для новых независимых государств на периферии России, а также для НАТО. Как это ни парадоксально, ослабленная НАТО продолжала расширяться, полагая, что ничем при этом не рискует. Восстания, возникающие в соседних с Россией государствах, открыто поддерживались Западом, что ставило под угрозу российский «негативный контроль».

Наиболее серьезным проявлением этой тенденции стали события на Украине, всегда находившейся в зоне российских национальных интересов. Европейский полуостров начинается от линии, соединяющей Санкт-Петербург и Ростов. Также эта условная линия отделяет Россию от стран Балтии, Белоруссии и Украины. Эта линия – минимальный буфер безопасности, необходимый России для отражения атак с Запада. После поглощения стран Балтии НАТО, сохранение негативного контроля над Украиной и Белоруссией стало критическим для обеспечения национальной безопасности России. Оранжевая революция конца 2004 г. – начала 2005 г, субъективно воспринимаемая Западом как зарождение либеральной демократии, а Россией как заговор Запада, была на самом деле неизбежным результатом действий России, желающей иметь систему контроля при минимальных затратах и рисках. Находящиеся на периферии страны, наблюдающие слабость и экономическое бессилие России, не имели никакой мотивации поддерживать с ней союзные отношения, исходя лишь из одних исторических воспоминаний, не каждое из которых было, к тому же, приятным. Системе, созданной Путиным, не хватало механизмов контроля, хотя это было и лучшее, что он мог сделать в данных условиях. В соседних странах продолжалась нестабильность.

Изменения на Украине положили начало двум процессам. Первым из них было восстановление российских вооруженных сил в качестве серьезного регионального игрока. Вторым - формальные дестабилизирующие стратегии, принятые на вооружение Россией. Все это привело к войне с Грузией в августе 2008 г. Основной целью этой кампании была демонстрация того, что Россия больше не намерена оставаться военной державой второго сорта, а также несостоятельности системы гарантий безопасности США. Погрязшая в войнах с исламским миром Америка оказалась не в состоянии прийти на помощь Грузии. Эта война открыла для России возможности распространять свою силу на соседние страны. Конфликт в Грузии был вызван не личной неприязнью Владимира Путина к Михаилу Саакашвили, скорее это было посланием Украине: «Вот чего стоят американские гарантии безопасности».

В свою очередь, это привело к событиям 2014 года, когда правительство Януковича оказалось свергнутым. Москва рассматривала этот переворот как спровоцированный американцами. Кроме того, это было серьезным провалом российской разведки. Россия оказалась неспособной верно оценить события, приведшие к смене режима, предотвратить его, дискредитировать его и организовать восстание на востоке страны. Она осталась с Крымом, где она всегда господствовала и небольшим участком на востоке, за который ей пришлось сражаться.

Украина представляет двойную угрозу для Москвы. Во-первых, произошедшие там события лишили России буферной зоны, что с течением времени может стать чрезвычайно опасным. Во вторых, они подорвали репутацию ФСБ как эффективного органа. Сила ФСБ была основана именно на ее репутации, на чем в свою очередь базировался действующий российский режим. Украина была проблемой сама по себе, но она была и проблемой для режима. Вдобавок к этому, и это необходимо подчеркнуть, ФСБ не смогла опознать императив США, побуждающий их к подрыву региональных гегемоний. США следовали по хорошо известному пути, но Россия оказалась не в состоянии этот путь заблокировать.

Основная экономическая проблема современной России заключается в том, что ей не удалось преобразовать свои энергетические доходы в новую промышленную и технологическую базу. Она так и осталась зависимой от экспорта углеводородов, цены на которые крайне волатильны. Циклический спад российской экономики в сочетании со снижением доходов от продажи нефти ослабили Россию. Традиционная мера американской внешней политики – санкции – еще более углубили эту проблему, равно как и другие несовершенства экономической модели страны. Таким образом, Россия вынуждена справляться с двумя проблемами одновременно – латать дыры на неприкрытом юго-западном фланге и решать экономические трудности. Украинский кризис, циклический экономический спад и инициированные США санкции свалились на Россию одновременно.

Россия ни при каких условиях не может просто так позволить сохранить текущему статус-кво на Украине. Украина имеет основополагающее значение для национальной безопасности и экономики России. Враждебно настроенное правительство в Киеве, получающее от США военную помощь, является стратегической угрозой первого порядка. Кроме того, другие страны на границах бывшего Советского Союза стремятся создать на западе санитарный кордон. Россия, с одной стороны, не может проигнорировать данный вызов, но с другой, очевидно, никак не может воспрепятствовать этому процессу.

Российским вооруженным силам было бы трудно оккупировать Украину. Территория Украины достаточно велика, а логистические возможности российской армии ограничены. Она может действовать на приграничном театре военных действий, но продвижение в сторону Киева, даже при минимальном сопротивлении, было бы крайне сложным. Россия могла бы использовать энергетическое оружие против Украины, однако это невозможно без нанесения ущерба странам, находящимся за Украиной на европейском полуострове. Большинство из них являются менее уязвимыми, чем это могло бы показаться, а подобные действия сами по себе могут развернуть политику Германии в недопустимом для России направлении. Таким образом, наиболее вероятным путем представляется организация «контрпереворота» против

действующего режима. Но сегодня США гораздо меньше вовлечены в конфликты исламского мира, в связи с чем возрастает риск ответных действий. А значит, России придется пытаться отвлечь внимание США, хотя набор опций в этой области довольно ограничен.

Таким образом, сейчас Россия находится в крайне сложном положении. Её экономическая и стратегическая позиции значительно ухудшились, а доступных контрмер не так уж и много, и они носят неопределенный характер. Текущая ситуация является серьезной проверкой на прочность для Москвы. Это еще не необратимый кризис, но его генеральная репетиция. Сможет ли Москва поддержать на плаву экономику и сохранить территориальную целостность в текущих экономических условиях и при неблагоприятном соотношении сил? Если нет – сама федерация находится под угрозой.

Реальностью международных отношений после холодной войны по-прежнему остается подавляющая, хотя и не безграничная, власть США. Мы по-прежнему живем в однополярном мире, в котором США могут проецировать силу различными способами. Непопулярность США не является определяющим фактором, а очевидные, на первый взгляд, поражения США имеют значительно более сложную подоплеку, чем может показаться.

Пока Европейский Союз находится в состоянии дезинтеграции, Китай переходит к нормальной модели развития, а российские претензии на региональное господство проходят серьёзную проверку, центральная роль США в глобальной динамике является основным определяющим фактором для всех мировых процессов. В основе интересов США является предотвращение возникновения региональных гегемоний, а Россия, в отличие от других стран, могла бы претендовать на эту роль и даже больше. Именно поэтому США будут стремиться к тому, чтобы предотвратить этот процесс, вначале позволяя местным силам действовать, затем предоставляя им финансовую поддержку и увеличивая ее объемы. В то время, как Китай может проводить лишь экономическую экспансию, Россия является подлинной экспансионистской державой. Ей необходимо расширяться для того, чтобы создать жизненно-важные буферные зоны, а значит США будут действовать против России. Но и Россия так просто не отступит. Достижение соглашения также является маловероятным выходом, т.к. США не уступят свою сферу влияния, им это не нужно. Таким образом, напряженность будет продолжаться и в какой-то степени даже усиливаться.

Исходя из этого, конфликт на Украине крайне опасен и может распространиться на страны Балтии и Кавказа. Насколько сильно он сможет обостриться, зависит исключительно от успешности действий России. Результат, тем не менее, в любом случае не будет благоприятным для России в долгосрочной перспективе, т.к. интересы США требуют их вовлеченности в конфликт, а в регионе наблюдается огромный дисбаланс сил во всех возможных аспектах. В то время, как Россия стремится к стабильности, внешнее и внутреннее давление на нее возрастает. В отличие от времен Российской Империи и Советского Союза, буферные зоны, ранее поглощавшие угрозы с запада, сегодня находятся в руках потенциально враждебных сил, а рационализация российской экономики оставила ее уязвимой для рыночных сил, чего не было никогда ранее. Таким образом, единственным выходом для России, если она не сможет найти основы для мирного урегулирования, остается наращивание угрозы в надежде запугать Америку. Это, однако, не самая лучшая долгосрочная стратегия.

Все это сказано не для того, чтобы очернить Россию и восхвалить США. Обе страны являются такими, какие они есть и будет делать то, что им диктуют обстоятельства. Лидеры обеих стран искусны в искусстве управления и безжалостны в его осуществлении. Исход будет определен действием объективных сил, управляющих нациями, а не личностями или случайностями. Карл Маркс был в определенной степени прав, однако он, сконцентрировавшись на классовых отношениях, упустил из виду реальность современности – постоянство наций и их географического положения, а также других реалий, оказывающих влияние на их формирование. Эта, хотя и небольшая, ошибка крайне серьезна. В конце концов, именно нации, интересы и сила определяют направление, в котором движется человечество.

Об авторе:

Джордж ФРИДМАН, председатель Stratfor, частной разведывательно-аналитической компании, основанной им в 1996 году, которая публикует результаты геополитического анализа и прогнозы в области международных отношений. Он является автором бестселлеров по национальной безопасности и геополитическому прогнозированию, включая «Следующие 100 лет» («The Next 100 Years»), и «Следующие 10 лет» («The Next Decade»). К публикации в 2015 г. готовится его книга «Очаги напряженности: разгорающийся кризис в Европе» («Flashpoints: The Emerging Crisis in Europe»). Джордж Фридман получил диплом бакалавра в Городском колледже Нью-Йорка и степень доктора философии в области управления в Корнельском университете